

ТУРГЕНЕВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ОЦЕНКЕ А.П.ЧЕХОВА

Тихомиров В.Н., д. филол. н., профессор

Запорожский национальный университет

В статье анализируются традиции тургеневских женщин в произведениях А.П.Чехова : «В Ландо», «Дом с мезонином», «Рассказ неизвестного человека». В стиле указанных рассказов А.П.Чехов использует приемы иронии и пародии.

Ключевые слова: традиция, пародия, ирония, типология, стиль.

Тихомиров В.М. ТУРГЕНЕВСЬКІ ЖІНКИ В ОЦІНЦІ А.П.ЧЕХОВА /Запорізький національний університет, Україна.

У статті аналізуються традиції тургеневських жінок у творах А.П.Чехова: «В Ландо», «Дом с мезонином», «Рассказ неизвестного человека». У стилі названих оповідань А.П.Чехов використовує засоби іронії і пародії.

Ключові слова: традиція, пародія, іронія, типологія, стиль.

Tihomirov V.N. TURGENEV'S WOMENS IN THEHOV'S ESTIMATION / Zaporizhzhya National University, Ukraine

The tradition of Turgenev's women in the works of Thehov are analised in the article: "V Lando", "The House wish the mezonin", "The story of the stranger". In this novels Thehov use styles of irony and parodi.

Key words: tradition, parodi, irony, typology, style.

Развернутую характеристику тургеневских женщин Чехов дал в письме А.С.Суворину 24 февраля 1863г.: «Все женщины и девицы Тургенева невыносимы своей деланностью и, простите фальшью. Лиза, Елена – это не русские девицы, а какие-то пифии, вещающие, изобилующие претензиями не по чину». Еще более не лестную характеристику дает Чехов Ирине в «Дыме» и Одинцовой в «Отцах и детях». «Жгучие, аппетитные, ненасытные, чего-то ищущие – все они чепуха. Как вспомнить толстовскую Анну Каренину, то все эти тургеневские барыни со своими соблазнительными плечами, летят к черту [1, 174]. Следует заметить, что так высоко ценимый Чеховым автор «Анны Карениной» с великой похвалой отзывался об удивительных портретах тургеневских женщин. «Тургенев сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин» – писал Л.Н.Толстой А.П. Чехову. Конечно, чеховскую оценку нельзя принимать за абсолютную истину, тем более высказанную в письме. Более объективную оценку Тургеневу, проверенную временем, Чехов дает в своих сочинениях: в рассказах «В Ландо», «Дом с мезонином», повести «Рассказ неизвестного человека» и др.

Среди этих произведений интересен ранний рассказ Чехова «В Ландо», посвященный смерти Тургенева. Здесь впервые у Чехова появляется тургеневская девушка Марфуша, оплакивающая смерть великого писателя. Интересно отметить, как Чехов в этом рассказе изображает отношение к Тургеневу «населения Ландо». С одной стороны, барон Дранкель, которому не нравится «вся эта шумиха из-за Тургенева», хотя «пишет гладко, слог местами даже боек, ... пишет как и все русские писатели» [2, 243]. Рядом с ним дочери действительного статского советника Брындина Катя и Зина. Для Кати Тургенев очень хороший писатель, а как он про любовь писал! Лучше всех!». В разговор вступает Зина, приписывая Тургеневу авторство «Обломова», где он выступает против крепостного права. Но хотя Марфуша не протестует против наивного дилетантского лепетания Кати и Зины, её открытую ненависть и презрение вызывает свежеемытый барон Дранкель, который не верит, что Тургенев какую-то политическую совесть в русском народе уцепил за живое.

Хотя Чехов, руководствуясь своей нейтральной и объективной манерой, не демонстрирует открыто превосходство духовной позиции своей героини, но логика развития конфликта рассказа говорит сама за себя. Эту логику создает провинциалка Марфуша и Тургенев. Правда, своя доля истины есть и в словах барона об описаниях природы у Тургенева: «Не люблю я читать описания природы. Тянет, тянет». Тут уже есть нечто чеховское: «... чувствую, мы уже отвыкаем от описания такого рода и что нужно нечто другое» [1, 175]. Хотя, в отличие от барона, Чехов отдаёт должное Тургеневу: «описания природы хороши».

Уже в рассказе «В Ландо» сформировалась объективная авторская позиция, которая вытекала из принципиального нежелания давать готовые ответы на вопросы, «как жить, и что делать». Рассказ в «Ландо» заканчивается без всякого авторского комментария: «Ландо остановился возле подъезда Брындиных, хотя дрожащая от гнева Марфуша, слёзы на ее глазах говорят о неприятии позиции барона».

В своих последующих произведениях Чехов возвысился к традициям Тургенева. Пожалуй, самой интересной в этом отношении является повесть «Рассказ неизвестного человека», в которой явно прослеживается традиция тургеневского романа «Накануне», правда, в явно ироническом и даже пародийном ключе. Г.Б. Курляндская пишет о тургеневской коллизии в романе «Накануне» в связи с образом Елены Стаховой: «Инсаров поразил Елену величием и святостью своей идеи и она вместе с ним

стала готовится к трудному подвигу борьбы за освобождение его несчастной родины из-под гнета турецких насильников». Далее Курляндская пишет о манере создания тургеневских девушек, в частности Елены Стаховой: «Образы тургеневских девушек, нарисованных методом романтической идеализации, заострение идеального содержания их личности, таят в себе огромную энергию нравственного воздействия на читателя» [2, 250]. Персонаж романа Шубин ломает голову над истоком идеальности Елены: «кто зажег этот огонь?».

Под обаяние тургеневских романов, особенно образа Елены, попала Зинаида Федоровна, героиня повести Чехова «Рассказ неизвестного человека». Правда, у Чехова тургеневская ситуация принимает пародийно-иронический характер, во многом благодаря интерпретации её любовником Орловым. Как и тургеневская Елена, у Чехова Зинаида Федоровна уходит из дома от мужа «по идейным мотивам». Правда, в отличие от Инсарова, чеховский Орлов иронично заявляет: «всю свою жизнь открещивался от роли героя, всегда терпеть не мог тургеневские романы» [3, 181].

Уход Зинаиды Федоровны от мужа Орлов воспринимает не без влияния тургеневской традиции. Это опять - так создаёт иронически-пародийную ситуацию. «Тургенев в своих произведениях учит, что всякая возвышенная, честно мыслящая девица, уходила с любимым мужчиной на край света и служила бы его идее – сказал Орлов, иронически щуя глаза» [3, 157].

У Тургенева уход Елены из родного дома, прощание с родителями и Родиной изображается трагически. «Она зарыдала и стала целовать его (отца – В.Т.) руки. Прощайте папенька... прощайте все, прощай Россия!» [1, 165]. Чехов, несмотря на отрицательную оценку романа «Накануне» и образа Елены, делает исключение для личности отца и финала романа: «Финал этот полон трагизма», писал он [3, 174]. В отличие от Тургенева, сам Чехов тему расставания решает скорее в мелодраматическом, а то и в пародийном антитургеневском ключе. Муж Зинаиды Федоровны кричит «плачущим голосом». Она решительно заявляет, что собирается переехать к Орлову, «хотя бы все стреляли из пушек» [3, 152]. И самый главный аргумент мужа в том, что её уход может повредить ему по службе. В той же сцене, явно в пародийном антитургеневском ключе, боясь раскаяния за свой поступок, она говорит: «Уйду, думаю, в монастырь или куда-нибудь в сиделки, откажусь от счастья» [3, 153]. Если Елена соединяется с Инсаровым ради высокой цели, то у Зинаиды Федоровны цель более банальная – «почувствовать себя на свободе». На свободе эта светская дама прежде всего комфортно обставляет жизнь с Орловым – ездит по магазинам: привозит великолепное трюмо, кровать, роскошный чайный сервиз и др. «Нет выше блага, как свобода!» - с удовлетворением говорит она. Как видим, Чехов переводит стремление своей героини к свободе в бытовую светскую ситуацию.

В отличие от чеховской женщины, тургеневская героиня не скована господским бытом. Уже с детства, по словам Тургенева, она стремилась к «деятельному добру». «Нищие, голодные, больные её занимали, тревожили, мучили». Однако основное внимание автор акцентирует на высоких духовных исканиях своей героини, в которых рождаются мысли о «целой России». «Иногда ей приходило в голову, что она желает чего-то, чего никто не желает, о чем никто не мыслит в целой России» [3, 35].

Эти духовные томления неотделимы от жажды любви к ближнему, «как жить без любви! А любить некого!» думала она, и страшно становилось ей от этих ощущений» [4, 80]. Духовные искания Елены с самого начала носят активный, деятельный характер. «Если бы кто-нибудь мне ясно сказал: вот что ты должна делать! быть доброю – этого мало; делать добро... да; это главное в жизни [3, 80]. Знакомство и общение с Инсаровым наполняет её жизнь новым смыслом. «... дело идет о народном, общем отмщении, дело идет об освобождении народа», - говорит он [3, 67].

Не без влияния Тургенева и его героини Зинаида Федоровна в своём избраннике хочет видеть служителя высокой идеи, хотя и не знает, какой именно идеи. «Вы идейный человек и должны служить только идее» - говорит она [3, 165]. Но в ответ слышит, что он «обыкновенный человек, щедринский герой. Вы принимаете меня за кого-то другого». «Под кем-то другим, он несомненно имеет ввиду тургеневских героев, особенно романа «Накануне».

Хотя в повести «Рассказ неизвестного человека» иронически разыгрывается близкая к Тургеневу ситуация, персонажи Чехова далеки от героев «Накануне» (Елены Стаховой и Инсарова). Тем не менее, вся структура повести из-за участия Орлова «начинена Тургеневым, которого демонстративно и слишком открыто не признает чеховский персонаж. Этот представитель высшего общества, как и его друзья, пропитались своим излюбленным качеством – иронией. «Когда Орлов брался за газету или книгу, какая бы она не была или же встречался с людьми, кто бы они не были, глаза его начинали иронически улыбаться и все лицо принимало выражение легкой, незлой насмешки. Это была ирония привитая, старой закваски, и в последнее время она показывалась на лице уже без всякого участия воли, вероятно, как бы по рефлексу» - пишет Чехов [3, 141]. Орлов воспринимает иронически всю печатную продукцию современной цивилизации, не делая исключения и для Тургенева. Впрочем, Тургенев вызывает у Орлова не просто иронию, но открытую отрицательную оценку. Он «терпеть не может» тургеневские романы. Неприязнь к Тургеневу, особенно к его героям, скорее всего объясняется их активной жизненной

позицией «делать добро – это главное в жизни». Что касается Чехова – то описание женщин и в рассказе «Неизвестного человека» преобладает стремление автора к изображению бытового мира вещей. А Чудаков в книге «Мир Чехова» пишет, что «вещи становятся равноправными портретами в эмоциональном общении». И далее: «опредмечивание, видимо, отвечало внутренним устремлениям Чехова к изображению чувства» [4, 174].

Тургеневскую женщину, как правило, учат, «что делать», прогрессивно настроенные мужчины, хотя это сотрудничество, чаще всего заканчивается драматически. В какой-то мере, Чехов повторяет эту ситуацию. Правда, Чеховский Орлов в своей иронии явно мешает развитию этой ситуации. «Тургенев в своих произведениях учит, что всякая возвышенная, честно мыслящая девица уходила с любимым мужчиной на край света и служила бы его идее – сказал Орлов, иронически щуя глаза... Да, душа моя, Тургенев писал, а я вот теперь за него кашу расхлебывай» [3, 157]. И далее, явно полемизируя с тургеневским романом «Накануне» по её мнению, уйти от папаша и мамаша или от мужа к любимому мужчине – этот верх гражданского мужества, а, по-моему, это ребячество». При внешнем правдоподобию тургеневского сюжета Орлов конечно утрирует его великую альтруистическую нравственную силу, которая вдохновляла читательницу этого романа.

Расставшись с Орловым, она уезжает с Владимиром Ивановичем за границу: «Вербуйте меня», говорит она решительно. Ей кажется, что в отличие от Орлова, Владимир Иванович человек необыкновенный, смысл жизни которого только в одном – «борьбе». Однако, Владимир Иванович вынужден признать, что убеждения его изменились и он стал «другим человеком». «Да, я не верю, утомился, пал духом» – говорит он. Тщетно он пытался убедить её, что он нашел смысл жизни «в единственной любви к ближнему». За его «самоотверженными идеями», Зинаида Федоровна видит очевидное желание сделать её любовницей. Общение с ним и с Орловым приводит её к страшному разочарованию в жизни и к самоубийству. Перед смертью она произносит роковые слова в адрес учителей. «Он трус, лжец и обманул меня... он обманул и бросил меня на произвол судьбы в Петербурге, а вы обманули и бросили меня здесь. Но тот хотя идей не приплетал к обману, а вы...» [3, 207].

Чехов в общении мужчины и женщины первое место отводит мужскому влиянию, хотя определенную, пассивную роль отводит женщине. Подобно тургеневской женщине, Зинаида Федоровна мечтает о высоких целях, хотя цели не столь конкретны и определены. Орлов отравляет её своей иронией, а Владимир Иванович – своим бессилием и пассивностью.

Чеховские герои, в отличие от тургеневских, в большей мере несут печать своего времени, т.е. переходной эпохи рубежа веков. В этом отношении характерен последний «идейный разговор Орлова и Владимира Ивановича». «Мы ослабели, опустили, пали наконец, наше поколение в сплошную состоит из неврастеников и нытиков, мы только и знаем, что тоскуем от усталости и переутомления» – говорит Орлов [1, 212]. Владимир Иванович соглашаясь с ним в критике нынешнего поколения, тем не менее выражает надежду на жизнь будущего поколения «жизнь дается один раз и хочется прожить её бодро, осмысленно, красиво, чтобы те же поколения не имели право сказать про каждого из нас: то было ничтожество или ещё хуже того» [1, 213]. Ироничный Орлов дает понять, что их разговор уже окончен. Страстная речь в защиту человека уставшего от жизни Владимира Ивановича, смерть Зинаиды Федоровны не оставляет надежды на светлое будущее человека.

Слово надежды остается за самим автором в двух поздних его произведениях, особенно в «Дуэли», в которой Лаевский верит, что люди «доплывут» до настоящей правды.

«Дом с мезонином», по общему признанию исследователей, – самый тургеневский рассказ Чехова. На близость его к роману «Дворянское гнездо» указывали Е.Б.Тагер, П.Б.Симонова, Е.В.Тюхова и др. Е.Тюхова пишет: «Расстановка сил в идейном столкновении, способ включения «идеологического спора в общую структуру каждого произведения, самое содержание полемического диалога в них отмечены несомненными чертами сходства» [5, 34]. В этом идеологическом споре принимают участие не только мужчины (у Тургенева – Лаврецкий и Паншин), у Чехова – художник, Лидия Волчанинова и ее сестра Женя). Есть несомненное сходство между героинями Тургенева и Чехова (Лизой и Женей). Е. Тюхова пишет: «Женя близка к типу «тургеневской девушки» по своим человеческим качествам. Она естественна искренна, добра... душа открыта жизни как в ее обыденных так и в высоких проявлениях». Она говорила со мной о боге, о вечной жизни, о чудесном» – отмечает художник [3, 180]. Правда, в отличие от твердых характером женщин (Елены, Лизы, Марианы) в Мисюсь подчеркивается ее внутренняя незащищенность и слабость (тонкие, слабые руки, тонкая шея). Любовь художника и Мисюсь возникает на фоне дворянской усадьбы, что опять-таки заставляет вспомнить о тургеневских традициях. Не случайно повествование ведется от лица одухотворенного художника, который придает рассказу лирическую тургеневскую тональность. Художник любит липовой аллеей, старым фруктовым садом, зелеными ивами. «На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве» [1, 175]. В такой же тональности изображена Мисюсь, героиня рассказа. «Я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон» [1, 175]. Как и тургеневские героини Мисюсь видит в художнике не только духовно близкого человека, но и учителя.

«Ей хотелось, что бы я ввел ее в область вечного и прекрасного» [1, 175]. Правда, у тургеневских женщин альтруистическая позиция выглядит более определенно и решительно, чем у Мисюсь. Героиня рассказа Чехова не может, да и не хочет отказаться от влияния старшей сестры Лидии. «Наша Лида – замечательный человек, я ее горячо люблю и могла каждую минуту пожертвовать для нее жизнью» – говорит Мисюсь.

Что касается «учительства» художника в сравнении с тургеневскими героями, то его роль выглядит более слабой и пассивной в отличие от тургеневского Лаврецкого, который в финале романа находит себя в труде. «Выучился пахать землю и трудился не для одного себя; он насколько мог обеспечил и упрочил быт своих крестьян» [1, 293]. Однако пережитая драма в личной жизни, отказ от счастья с Лизой Калитиной приводят к тому, что он перестал думать о собственном счастье, «постарел не одним лицом и телом, постарел душою» [1, 293].

Включение идеологического спора в структуру чеховского рассказа явно напоминает тургеневскую традицию. Е.Тюхова справедливо сближает спор славянофила Лаврецкого и западника Паншина с конфликтом художника и Лидии Волганиновой. В ходе этого спора Лиза полностью поддерживает Лаврецкого, который отстаивал «молодость и самобытность России». Паншин с высоты европейской цивилизации назвал его отсталым консерватором. В итоге Лаврецкий «спокойно разбил Паншина на всех пунктах». Во время этого спора Лиза вся «была на стороне Лаврецкого... Ей было по душе с русскими людьми; русский склад ума ее радовал», – пишет Тургенев.

В споре с художником Лидия отстаивает свое право «служить ближним: учить мужика грамотности, заводить больницы, аптечки и др.». Художнику ее позиция кажется «мелкой» и выдвигает более высокие требования: «Не грамотность нужна, а свобода для широкого проявления духовных способностей, нужны не школы, а университеты» [1, 186]. В ответ Лидия пародирует; «самую несовершенную из всех библиотечек и аптек я ставлю выше всех пейзажей в сети», намекая на его профессию. Оправдывая свою позицию перед высокими требованиями художника, она говорит: «Правда, мы не спасем человечество и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем и, мы – правы» [1, 186].

Чехов в этом споре выдвигает объективную авторскую оценку, но в финале рассказа, где Лидия диктует ученице Даше слова басни Крылова «вороне где-то бог послал кусочек сыру», создает по отношению к ней ироническую авторскую оценку. Да и последнее робкое признание Мисюсь («мне кажется, вы правы. Если бы вы знали, как я и мама горько плачем») усиливает эту ироническую оценку.

Отказ от борьбы за личное счастье явно сближает героев Тургенева и Чехова, Лиза Калитина с молчаливого согласия Лаврецкого ушла в монастырь. Мисюсь добровольно подчинилась доводам сестры. Несмотря на разницу характеров персонажей Тургенева и Чехова, их сближают пассивные позиции, жертвенная неспособность бороться за личное счастье. Эту позицию определяет слабый мужчина «гамлетовского склада» в интерпретации Тургенева (его статья «Гамлет и Дон Кихот»). Неожиданное появление жены из-за границы, отречение Лизы окончательно ломает его надежды на личное счастье. «... он перестал думать о собственном счастье..., он утих, постарел душою» [1, 293]. Художник, потеряв Мисюсь, погружается в апатию – «праздное, будничное настроение овладевает мной, и по-прежнему стало скучно жить».

Гюстав Флобер писал Тургеневу: «Одно из ваших качеств – это умение создавать женщин. Они идеальны и реальны в одно и то же время. Они обладают притягательной силой и окружены сиянием» [6, 423].

Над соотношением идеального и реального Флобер размышлял не только у персонажей Тургенева, но и Жорж Санд. Оценивая ее роман «Флама Ранда», он писал автору: «Вы с первого же шага решительно во всем воспаряете к небесам... Вы исходите из априорных понятий, от теории, от идеала. А я, бедняга, словно свинцовыми подметками прикованный к земле» [6, 167].

Как видим, Флобер противопоставлял свой художественный метод («прикован к земле») жорж сандовскому («воспаряете к небесам»). Конечно, художественная практика Жорж Санд и тем более самого Флобера в значительной мере шире этих теоретических рецептов. Но нас в данном случае больше интересует интерпретация Флобером творчества Тургенева, его женских образов в частности, идеального и реального в их характерах. Флобер страдал, видя в современной Франции падение нравственного чувства, разгул пошлости. «... все устремлено к посредственности – мелкие произведения, мелкие страстишки, мелкие людишки – ничего другого вокруг не видать» – писал он [6, 4]. На фоне современной посредственности он увидел в тургеневских образах, особенно в женщинах, торжество высоких, идеальных порывов души «меня восхищает ваша манера повествования, одновременно пылкая и сдержанная, ваше сочувствие к людям» писал он Тургеневу [6, 21]. Эти порывы, по мнению Флобера, обрекают на гармоническое сочетание с их реальными устремлениями.

Флобер был одним из любимых писателей Чехова. Как и Флобер, Чехов страдал от общения со своими современниками, от их пошлости. Персонаж рассказа «учитель словесности, собиралась бежать от их

пошлого мира восклицает: «Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума» [6, 331].

Итак, Чехов часто критиковал, в отличие от Льва Толстого и Флобера, тургеневских женщин за их «претензию не по чину». Отдал должное их идеальности в некоторых своих произведениях: «В Ландо», «Дом с мезонином», «Рассказ неизвестного человека» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем в 30 т. / А.П.Чехов. – М.: Наука, 1977. – Т.5. 519с.
2. Курляндская Г.Б. Эстетический мир И.С.Тургенева / Г.Б. Курляндская. – Орел: Изд-во гос. телерадиовещат. компании, 1994. – 343 с.
3. Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем в 28 т. / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1964. – Т.VIII. – 520с.
4. Чудаков А.П. Мир Чехова: возникновение и утверждение / А.П. Чудаков. – М.: Советский писатель, 1986. – 350 с.
5. Тюхова Е.В. «Дворянское гнездо» Тургенева и «Дом с мезонином» Чехова (К вопросу о традициях) / Е.В. Тюхова // Спасский вестник. – 2003. – № 7. – С. 30-37.
6. Флобер Г. О литературе, искусстве в писательском труде. Письма, статьи в 2-х томах / Г. Флобер. – М.: Художественная литература, 1984. – Т.2. – 500 с.

УДК 811.161.1'37'367'373.7,821.161.1Г-3.08

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОГОЛЕВСКОЙ АФОРИСТИКИ

Томилина Г.Я., к. филол. н., доцент

Запорожский национальный университет

Статья посвящена изучению семантической и функциональной характеристики афоризмов гоголевского творчества.

Ключевые слова: афоризм, рациональный, парадоксальный, семантика, функция.

Томилина Г.Я. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ТА ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ ГОГОЛІВСЬКОЇ АФОРИСТИКИ / Запорізький національний університет, Україна.

Стаття присвячена вивченню семантичної та функціональної характеристики афоризмів гоголівської творчості.

Ключові слова: афоризм, раціональний, парадоксальний, семантика, функція.

Tomilina G.Y. STRUKTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF GOGOL APHORISTIC / Zaporizhzhya National University, Ukraine.

The article is devoted to the study of semantic and functional description of Gogol creation aphorisms.

Key words: aphorism, rational, paradoxical, meaning, function.

Интерес к авторской афористике в русском языкознании все более возрастает. Гоголевская афористика – замечательный феномен духовной культуры русского народа. За последнее десятилетие вышли в печати как универсальные словари крылатых фраз-афоризмов [1], так и словари афоризмов отдельных писателей [2].

Целью данной статьи является лингвистический анализ афоризмов Гоголя, отражённых в его прозаических и драматических произведениях [3].

Вслед за авторами «Словаря крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко [4,118] в составе гоголевской афористики выделяем такие разновидности:

1. Гоголевские крылатые фразы-афоризмы: *Кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь* (Мертвые души, I).
2. Гоголевские выражения полуфразеологического типа: *Как отвратительна действительность...и что она против мечты* (Невский проспект).